

12+84(2Poc=Pyc)6

M 28

Анатолий Марласов

Стихи рождаются
для счастья

12+

Анатолий Марласов

Стихи рождаются
для счастья

Сборник стихов

*Кружок
Собор
автор*

21. октября 2012

- 0157069 -

Тюмень Государственная библиотека Югры	РФ
---	----

УДК 882-1
ББК84(2Рос=Рус)6-5
М28

Марласов А.М.

Стихи рождаются для счастья: сборник стихов/А.М. Марласов; под ред. О.А. Ожгибесовой. – Тюмень: ГАУК ТОНБ, 2010. – 189с.

Анатолий Марласов – русский поэт. В шестую книгу стихов собраны новые стихи, сатирическая поэма «Литературная Жутень» и цикл «Стихи о стихах».

Редактор – О.Ожгибесова
Верстка – Д.Пермяков
Цифровая печать – Д.Филатов

Административная группа: Н.Полыгалова, Г.Сахарова

ГАУК ТОНБ 625023 Тюмень, ул.Орджоникидзе, 59.
Тел. 565-300
Отпечатано в типографии ГАУК ТОНБ
Тираж 500 экз.

©А. М. Марласов, текст – 2010
©Д. В. Пермяков, верстка, дизайн - 2010

XOB
HAP

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

Сегодня – патриот,
К большому сожалению,
Звучит, как идиот,
В любом стихотворении.

Но хочется в глаза
Истории испытанной
"Я – патриот", – сказать
Под песнями и пытками.

О, друзья и товарищи,
Не жалеете меня,
Коль умру, не прощаясь, я
На спине у коня.
Умоляю вас искренне –
Слёз не лейте, родня,
Если конь этот искоркой
Пролетит без меня,
Если ветер неистово
Станет траур мне петь,
Не сочувствуйте, близкие, –
Я хотел умереть,
Чтобы сердце не медленно
Разорвалось в груди,
Чтобы звуки не медные
Провожали в пути.
Умереть, чтоб не слёзы,
Не щемящая грусть –
Чтобы падали звёзды
На холодную грудь...
Ну, а если, о Боже мой,
Без забот и тревог
Я умру, как положено, –
В стороне от дорог,
Вместо жалкого лепета,
Вы, словами звеня,
Вот тогда пожалейте
Жизнь мою и меня!

**Но чая нету...
(триптих)**

I

Когда я думаю о прошлом,
Воспоминания мои
И неожиданны, и пошлы,
Как жизнь совместно без любви.

Когда я думаю сегодня
О разворванной стране,
Мне не обидно и не злобно,
Но тошно жить на свете мне.

Когда о будущем мечтаю,
Я не мечтаю ни о чём.
Официант, подайте чаю
И рассчитайтесь с богачом!

II

Печаль моя светла,
Как лик луны,
А ветер, как метла
Моей страны.

Он наметает тучи,
Наметает,
"Вчера-то было лучше", –
На-ме-кает.

Ну, что ж теперь
Мне грудь – напололам?
ТУДА закрыта дверь
И скучно ТАМ.

Сегодня и сейчас –
В конце июля!
Официант, подайте чай.
Вы что – заснули?

III

Я мог бы заказать,
А в чём же дело? –
Зелёные глаза,
Коричневое тело.

Нет денег? Дополни!
Желание? Отменно!
Но хочется вина,
Чтоб море – по колёно...

Часы ещё стучат,
Подсчитывают смету.
А всё же – где мой чай?
Но чая нету.

**Рассказ
Емельяна Иванова.**

Я решил построить дом
Не по щучьему веленью,
А натруженным горбом,
Потому что нету денег

На строительных людей.
Только брёвна есть и сила.
Дом изладил без гвоздей –
Так, как строила Россия.

Там, где строила она
Деревянные строенья,
До сих живёт страна
Без особого старенья.

Солнце в берёзовой роще
Светит мне прямо в глаза –
Слепну, но радости большей
Даже придумать нельзя!

Воздух просеян сквозь сито
Этих чудесных берёз,
И тишина тут разлита
До умиленья и слёз.

Боже!
За что это счастье
Послано людям и мне –
Солнце в берёзовой чаще
И красота на земле?

Люблю – по железной дороге,
Но только, друзья, не пешком,
А чтоб поберечь эти ноги,
Давно я дружу с ишаком.

Представьте такую картину –
По шпалам я еду верхом,
Но, чтобы не мучить скотину,
Не мчусь я в аллюре лихом

Я еду степенно и долго,
И всё ж не пойму я никак –
Из чувства ли правил иль долга
Стоит перед красным ишак?

Казалось, безмозглый, но всё же,
А мы-то за красный – ур-ра!
Иль он на людей не похожий,
Иль нам поумнеть бы пора...

Россия – древняя страна!
Вы не поверите –
На много лет, веков она
Мудрей Америки.

Но почему, ответьте мне,
Но почему же
Живёт народ в моей стране
Намного хуже?

Судить Россию не берусь,
Но, зная метрики,
Я полагаю – наша Русь
Старей Америки.

А со старухи что возмёшь?
Ей жизнь отмерена –
И побеждает молодёжь,
То бишь, Америка...

А если бы меня спросили
Мои спортивные друзья,
То я б ответил, что Россия
Такая ж слабая, как я.

Но, если б на неё напали
Мои нерусские друзья,
То я бы заявил в запале:
"Россия сильная, как я!"

Ну, почему страна такая,
Ну, почему у нас народ
То так припадочно икает,
То так талантливо поёт!?

То так загадочно и мудро
Уводит в космос корабли,
То похмеляет солнце утром,
То умирает от любви...

Я люблю свою деревню –
В ней уютно и светлою.
У моей избы поленьев
Огромное число!

Как слова – притык к притыку,
Нет и места запятой.
Я сложил их, словно книгу
С оболочкой золотой!

Политический триллер

Ёшкин клёш! Такие вот дела –
Родина и мне права дала!

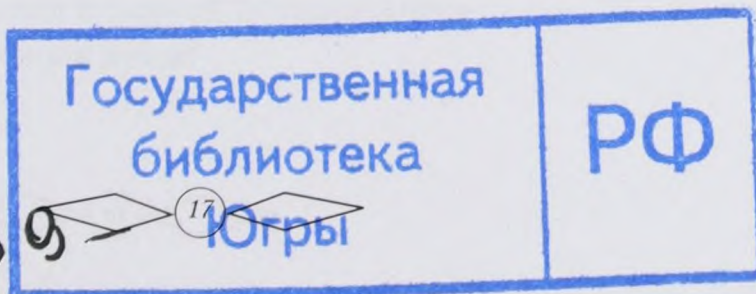
Господи, чего могу сегодня?
Всё могу, ядрёна вошь и мать –
Я могу из трёх, из неугодных,
Одного, угодного, избрать!

А ещё могу совсем без страха –
Хватит, натерпелся, чёрт возьми, –
Вычеркнуть троих единым махом
Без бюрократической возни!

От свободы ошалелый, сдуру,
Я могу – плевать на малый рост –
Выдвинуть свою кандидатуру
На какой-нибудь высокий пост!

Господи, ура – свобода есть!!!
А теперь бы что-нибудь поесть...

- 0157069

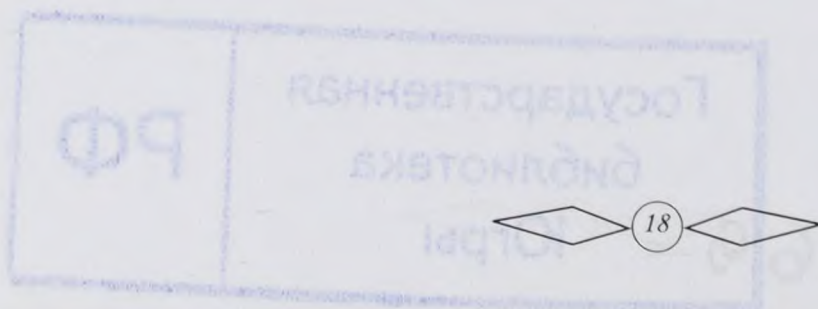
Я, полный силы и отваги,
Чуть панибратствуя словам,
Беру обычный лист бумаги
И...начинаю колдовать –

И оживают, оживают
Поляна, лес, а в нём – цветы,
Но всё как будто в ожиданье
Какой-то маленькой черты.

Ловлю я штрих неуловимый
И бьюсь над ним и час, и два...
Готов уж я и сердце вынуть,
И вставить в мёртвые слова!

Но нет и нет. Я в чём-то, видно,
Сегодня им не угодил.
Мне так печально и обидно,
Я словно друга схоронил...

Я лист бумаги тот сжигаю
В предощущении беды,
Как будто сам уничтожаю
Поляну... лес, а в нём...цветы.

Дочь уходила, не спеша –
Сперва у зеркала рядилась,
Шутила. Вышла. Возвратилась,
Опять у зеркала крутилась
И неожиданно ушла.

И стало пусто в шалаше –
В той однокомнатной квартире,
Как будто всё в подлунном мире
Принадлежало дочке Ире
И не воротишь то уже.

А в небе плыли облака
Неторопливо, как гусыни,
И я всегда мечтал о сыне,
Мечты растаяли, как иней,
Их слёзы унесла река.

Река – ведь это женский род,
А женщины имеют свойство
Без огорчений и расстройств
Уйти, уплыть, но беспокойство
Не унести – наоборот...

Дочь уходила, не спеша,
Как будто этим извинялась
За то, что пела и смеялась,
Взлетала к солнцу, возвращалась
Ликующая душа!

Не надо женщину бояться –
Она придумает сама
Полувоздушные объятия,
Полупрозрачные слова.

И будешь звать её Татьяной,
А, может быть, совсем не так,
И будешь от неё ты пьяный,
Хотя и выпьешь на пятак.

Опять

Так хочется писать стихи,
Как будто мне опять семнадцать,
И даже тянет целоваться,
И даже манит на грехи!

Опять я, видно, начудил,
Опять во Времени скитался
Для встречи с Лао-Цзы, с китайцем –
Меня пора уже в утиль.

Мы все когда-то кукарекали,
И нас любили, и меня
Не кто-нибудь – библиотекари!
Лишь за попытку сочинять.

Но все, нормальные, забросили
Стихи, как в юности, писать,
А я уже давно в той осени,
В которой надо всё бросать.

Сужают живое пространство
Какие-то силы извне –
И мир мой уже Уже ранца,
И хуже становится мне,

И реже полёты под солнцем
В компании снегирей,
Всё чаще вожу, как подсолнух,
Седой голову свою.

Но сил ещё много осталось
И много для жизни причин,
А узкоколейная старость
Не повод для быстрых кончин.

Ведь вся – под землёй или где-то,
Скорее всего, в небесах
Расписана смертнопись эта,
Хранимая в Божьих руках...

Плач об улетевшей дочери

Улетела чудо-доченька –
Словно свет исчез в окне,
И темнее стала ноченька,
И грустнее сразу мне.

Улетела наша донюшка
В раздалёкие края,
Уплыла она, как солнышко,
И остались ты да я.

Ты да я, да грусть-печалинка,
Что изложет сердце мне –
Как цвести там будет аленький
Наш цветочек, в стороне?

Только радует надежда и
Мысль простая: "Боже мой,
Но вернётся наша нежная,
Наша донюшка домой!"

И светлее станут ноченьки,
И длиннее станут дни...
Сохрани, Господь, нам доченьку,
Умоляем, сохрани!

Пусть дорога станет скатертью
На пути обратном, дочь.
Мы молиться будем с матерью
За тебя и день, и ночь...

Не грянет грома громкий окрик
И не раздастся птичья трель,
Срывает листья ветер мокрый
И вскоре засвистит метель!

Но где-то там, в подспудной сути,
На бессознательном витке,
Наверно, размышляют люди,
Что счастье есть, но вдалеке.

И сам я верил, что когда-то
Оно приблизится ко мне,
Но дату заменяла дата,
А счастья не было и нет.

Зима, весна и море солнца!
Но вот опять за чей-то грех
Срывает листья ветер сонный,
И вскоре приземлится снег...

И от сознания круговерти
И колесницы бытия,
В осенний вечер жаждет смерти
Бессмертная душа моя.

А за тихую рекой
Изумительный покой,
В знак согласия с этим миром
Конь кивает головой.

Жизнь – не долгая река,
Но плывут, как облака,
Наши мысли о бессмертье –
О бессмертье на века.

Как в деревне хорошо –
Надо б радугу ещё,
Потому что за рекою
Дождик радостный прошёл.

А за светлую рекой
Изумительный покой,
В знак согласия с добрым миром
Конь кивает головой...

Мне хочется уйти
В прекрасное пространство,
В котором нет пути
Пижонам и засранцам,

Великим говнюкам,
Ничтожествам великим,
Чтоб там текла река
Не к океанам тихим...

Чтоб были там слова –
Поэзии образчик,
Чтоб там росла трава
Зелёной – настоящей!

Чтоб не было там лжи
И даже капли фальши –
Вот там бы можно жить,
Хотя куда уж дальше?

Мы живём в безразличном пейзаже,
А когда повстречаемся днём,
Слово ласковое не скажем,
Даже думать не будем о нём.

И, рисуя картину об этом
Цветом завтрашней травы,
Ты не знаешь, как трудно поэтам
Жить не жить?
Вы-жи-вать без любви.

Где тонко, там и рвётся,
Но тут ещё вопрос –
На вертуне колодца
Намотан тонкий трос.

Давай начнём сначала –
Конечно, не ядро,
Но всё же не упало
Тяжёлое ведро!

А нашим тонким чувствам
Не суждено, увы,
Порваться там, где пусто
И грустно без любви.

"Слепой" дождик

Белые снега, как облака,
И дожди, летящие из туч,
И переполняется река –
И опять над миром солнца луч!

Что такое радуга-дуга?
Над землёю Ра – и не иначе.
Эта Бога добрая душа
Над землёю освещённой плачет...

Надвигается старость,
Как трактор на ветхий сарай.
Что той жизни осталось –
Или ад, или рай.

Можно, видимо, бросить
Дым глотать без ума –
Отодвинется осень,
Заодно, и зима.

Но никто не предскажет,
Где же карта трюфлей
Неожиданно ляжет,
Как внезапный трофей.

А сарайчик исчезнет,
Как мираж или сон,
Но на этом же месте
Будет дом возведён...

Не стоял коленапреклонённо
И гордился собственной судьбой –
Я не падал даже пред иконой,
Но как часто падал пред тобой...

А когда нам изменила совесть
И любовь узнала страшный грех,
Написал я маленькую повесть
Для тебя, а вышло, что для всех.

А стихи рождаются для счастья,
Для любви с прекрасной половиной.
Я ж пишу, как будто бы повинно
Сердце, разделённое на части.

И, почти мгновенно умирая,
Понимаю боль нелепой грусти –
Всех поэтов находили русских
Не в раю, а где-то возле рая.

Хочется сказать мне с горькой болью:
"Мы не ценим жизнь свою с любовью,
К жизни мы относимся отвратно,
Будто можно к ней прийти обратно"

И не прав поэт Илья Сельвинский –
Мы к себе относимся по свински,
Веря подсознательно в бессмертье...
Смерть сильнее веры – уж поверьте!

Нечего бессмертием кичиться,
Никогда сюда не возвратиться –
В этот век и в этот год, и в час...
И, когда умрём неосторожно,
То вернуться будет невозможно,
А вернёмся – не узнают нас.

Я приближаюсь к губельной черте,
Как бабочка на яркий свет, увы!
Но мысли, нет, не мрачные, не те
Переполюняют чувствами любви –

Люби к поездкам!
Да, на поездах!!
И к перелётам!
Да, на самолётах!!!
И смерть – смешная баба в чёрных ботах
Не вызывает у поэта страх.

Я думаю о смерти, как бродяги
Об избавленьи от житейских мук,
Они от них, как от зелёных мух,
Отмахиваются, бедолаги!

Что есть такое смерть?
Ко-ман-ди-ров-ка,
А это значит – женщины, азарт!
Я обману врачей своих не ловких –
И не вернусь на этот свет назад.

Бывает такое – весна на изломе,
Должны по прогнозам фиалки цвести,
Но пусто в лесу, как в заброшенном доме,
И холодно в нём!
Уж какие цветы?

Бывает такое, что лето в зените,
А солнца не видно и дождь моросит.
Прикиньте, что вдруг исчезают синицы,
А ворон не каркает – просто сипит.

Бывает такое, что осень находит
Пропавшее солнце за гриву тепла –
И всё изменяется в чудной природе,
И снова у нас бронзовеют тела!

Бывает такое...
А что – не бывает?
Зимой, как в апреле, родятся ручьи
И грозы гремят, словно в тютчевском мае...
Себя молодым ощущаешь!!!
Почти...

А что?

А что – давай забросим камень
В то озеро с названьем – память?
И по нему пойдут круги –
Приятели, друзья, враги...

А, может быть, забросим сети
В речушку?
В ней бессильны сметы,
В ней нет словечек о деньгах,
А есть слова, но о стихах!

А, может быть, уроним в море
Тот якорь, на котором горе,
И он стремительно на дно?
А мы с тобой пойдём в кино!

А что?
Давай куплю билеты
На тот, целующися, ряд –
И пусть о нас с тобой при этом
Всё, что угодно, говорят!

**Юрию Мандрике –
книгоиздателю, краеведу**

Вот талантливый Мандрика,
Эпатажный...
Ну и что ж?
У него душа, как книга, –
В этой книге плачет дождь,

В этой книге стонет вьюга,
Потому что тяжело
Жить без женщины и друга,
Похихикивать светло.

Жизнь – отчаянная штука
И даётся только раз,
И приходит к нам без стука,
И уходит без прикрас.

Он издал немало книжек,
Но не стал богаче.
М-да...
Он – не подпоручик Кижэ,
Он реален, как беда...

...А богатый?
Нет, не правда –
Это выдумал дебил!
Видел Юру я недавно –
Он де-юре в шортах был,

А де-факто подраздели
За талантливую суть.
Хорошо, что не успели
Ни за что отдать под суд...

Хорошо, что он вернулся
Под испытанный бюджет,
Но в бюджете – Муся-Дуся,
А Цветаевых – то нет!

О птичьей grippe

Да дело не в этом, ребята,
Куда и зачем мы идём.
У Времени все мы – цыплята,
И все мы когда - то умрём.

Не надо такого итога
Бояться, как черти – чуму.
Мы встретимся с Вами у Бога,
И ОН объяснит, что к чему.

**«Вначале Бог сотворил
небо и землю» (Из Библии)**

Конечно,
Бога я приемлю
За то, что будучи без крыл,
ОН небо сотворил и землю,
И жизнь, по сути, сотворил,

И людям мудро подарил ОН
Загробный мир из святых тайн.
Не опускайте, люди, крылья –
Жизнь продолжается и ТАМ.

Моей дочери-психотерапевту

А у дочки небеса,
Словно мамины глаза!
Пусть не тянут эти глазки
В невозвратное назад.

Я хотел бы жить да жить
И особо не тужить –
Так мечталось мне на свете
Избежать хотя бы лжи.

Ну, не надо говорить:
"Ты не должен пить, курить" –
Я-то знаю сам, конечно,
Как природу обдурить.

Надо просто жить и дальше,
Не заигрывая с фальшью,
Пить, курить – всё в том режиме,
Так, как жил всегда я раньше.

Если вдруг собью я ритм,
Не завидую своим –
Похоронный им придётся
Заказать в конторе гимн...

Так мне хочется раскрыться,
Вылезти из дряблой кожи,
Чтоб спросить тебя, прохожий:
"Не растут ли сзади крылья –

Что-то чешутся лопатки?"
Но, застенчивости полный,
Молча я пройду и скромно –
На восторги я не падкий.

Отойду куда подальше
И расправлю чудо-крылья!
Так вот сказка станет былью,
А не гриновскою фальшью.

И взлечу я в поднебесье,
Чтобы там на век остаться
И на облаках кататься,
И захлёбываться песней...

Но жена моя мудрёно
Нежным словом приземлила:
"Мусор вынеси, чудила,
Разлетался, как ворона!"

Я беру её пакетик,
Выношу к вонючим бакам,
Как побитая собака,
Как униженный эстетик.

Как хотелось мне раскрыться
Перед Вечностью великой...

Надо ж так об лавку ликом –
Поотскакивали крылья!

Да... летать сейчас не модно,
Надо деньги в дом лопатой.
...Снова чешутся лопатки –
Приземляться буду мордой!

PS.

Знак мой – яркое Ярило,
Мой ансамбль – «Бони эм»,
Почему же я чудило,
Но чудило с буквы "эм"!

Не ласточка, а вороны,
Которых я долго кормил,
Узнают, что я похоронен
Не там, где родился и жил.

Ворона – тревожная птица,
А ласточка – ласковый свет,
И надо бы ей поклониться...
Но не было ласточки, нет!

Предсказание

Когда-то русских на Руси не станет,
Как бы правительство своё я не «грузил»,
А вот грузин, правитель, то бишь, Сталин,
Но было меньше на Руси грузин.

Когда-то русских на Руси не станет,
И вот тогда вы вспомните меня –
Ведь как бы Анастас не Микоянил,
Но было меньше на Руси армян.

Когда-то русских на Руси не станет,
И Кагановича мы вспомним в тот момент,
Когда обрезанный – не будет это тайной –
Предстанет перед нами президент.

Когда-то русских на Руси не станет,
И это я тогда понять успел,
Пока я мылся в нашей русской бане
Среди иероглифов худых китайских тел.

А в моей деревне петухи
Сочиняют, представляют, стихи!

По утрам такие рифмы выдают
Люди просыпаются, встают.

Мужики за косы – и на луг,
Есть дела и для прекраснейших подруг:

Покормить чумазных поросят,
Тоже, как поэты, голосят!

А потом коровку подоить –
Молоко поэзию таит,

И стихи такие до луны
Сочинять красавицы должны.

Бани истопить для мужиков –
Впереди поэзия–любовь...

Шуточное

Ты такая – не такая,
Я какой-то не такой.
Ты спросила: а какая?
Я спросил: а я какой?

Ты ответила – не знаю,
Возмутился я – постой!
Я люблю тебя, родная,
Я люблю тебя, родной.

Но, а всё ж ты не такая!
Да и ты ведь не такой –
Я люблю глоток "Токая",
Чтобы справиться с тоской.

Улыбнулся я и хитро
Очень мудро промолчал
И закинул в куст поллитра –
И мы сладкий пили... чай!

**"Увы, уму непостижимы
Две тайны – женщина и смерть"
(В.Фёдоров)**

Какие тайны в мире есть?
Измерь!
Мудрец ответил, понимая главное:
"Две тайны есть – рождение и смерть!
Всё остальное – это от лукавого".

Какие тайны в мире есть?
Их нет!
Кому они нужны – судьбе изменчивой?
И я считаю, что не прав поэт,
Одна есть в жизни тайна – это Женщина!

Конечно, есть и таинство греха,
Которое... ну, там... за этим листиком,
Волнующая исповедь стиха
На грани сумасшествия и мистики.

Вообще – я выступаю против тайн,
Как всякий христианин – деревенщина,
Но я предполагаю встретить там,
На свете том, не тело – душу женщины.

Девясил
(шутка)

Девять сотых, девять сотых огород –
Я работаю одна...

А где народ?

Нет народа – он сюда не заходил,

Но зато есть девясил, как девять сил!

Посажу картошку, свёклу и горох,

Бог поможет – будет урожай не плох.

Даже Бог, прости меня, не заходил,

Но растёт мой девясил, как девять сил!

Вырос славный и богатый урожай,

Кликнуть некого: "Давай, мол, помогай!"

Хорошо у девясила девять сил,

Заварила я чаёчек – подсобил!

Шутка.

Студенты – предчувствие тайное,
В которое верю всегда,
Они – это родичи дальние,
Как звёзды, луна и вода....

Но должен признаться, ребята,
Сочувствий своих не тая,
Что станет студентик когда-то
Таким же противным, как я!

Я одинок, как муха на липучке,
Но, что страшнее самых страшных мук,
Мне одному гораздо было б лучше,
Чем умирать в сообществе подруг –
Таких же мух!

Простите – и жена моя, и дочка,
И все мои родные, и враги.
Я одинок, как в многоточье – точка,
Как одиноки бедные врачи –
Как не лечи!

И, если я повешусь на веревке,
А, может, пулю приглашу в мозги,
То вы поймете – я не очень ловкий
Поэт, стоящий около Москвы, –
Увы, увы...

И вы, однажды выйдя на рассвете,
Увидите летящую звезду.
Я одинок был,
Даже в этой смете
Не рассчитал сердечную беду –
И... ду-ду-ду!

И вот и все, и духовой оркестр,
Но даже ТАМ я буду одинок,
Когда займет мое святое место
Величие моих прекрасных строк –
Какой пророк!

Продрог я в холодильнике семейном,
Как муха в декабре, лежу один,
Но я шучу, а я шутить умею,
Как всякий разнесчастный гражданин,
Когда один.....

Есть две войны-
И на одной из них
Я был рожден,
Как первозданный стих,

А на афганской
Умирал... пародией –
И не гордился
Собственную родиной.

А кто-то скажет: «Тошно –
Мы это все видали!»
А я скажу: «Художник
Талантливых деталей».

Стихи его – на совесть,
Не говорите: «Пушкин»,
Зато он – Айвазовский
Сибирской деревушки.

Он точно подмечает,
Когда она, родная,
Кому – как сахар в чае,
Кому совсем иная.

Он любит быт обычный –
Размеренный и строгий,
Чтоб был сосед приличный,
Чтоб тоже верил в Бога,

Он воспевает воздух
По - деревенски свежий,
Он прославляет звезды,
Хотя они все те же.

Но по его деталям,
Как дважды два-четыре,
Когда-то люди станут
Судить о нашем мире!

Опять грустное...

Я на речку направлю свой путь –
Пусть овеет меня свежий ветер.
Если мне суждено утонуть,
Я хочу утонуть на рассвете.

Чтобы птицы распелись во всю
И во всю зеленели деревья.
Жаль, что это не будет в лесу,
Жаль, что это не будет в деревне.

Я умру, но не там, где я рос,
Я умру, но не там, где я вырос,
Я умру среди светлых берез,
Там, где церковь природе молилась.

Поплыву я – куда? В никуда,
А оттуда не возвратиться,
И мне саваном будет вода
И оркестром поющие птицы...

Не на речку направлен свой путь
Не люблю я красивых приемов –
Если мне суждено утонуть,
Буду я избегать водоемов.

За жизнь цепляясь вороном,
А он-то долго жил,
Не все, что уготовано,
Я людям отслужил.

Не все, что предназначено
Идущему на смерть,
Народу мной оплачено
Судьбой моей, поверь.

Казалось бы, эпохою
Я должен быть вполне
Довольствоваться – плохо ли
Прожить в такой стране,

Которая за призраком
Гонялась столько лет,
А после властью признано
Что призрака-то нет!

Но вот уж по колено я
Стою в таком дерьме,
А рядом поколение
С идеями – иметь!

Иметь, пусть незаслуженно,
Иметь любой ценой...
Мораль до щелки сужена
Любимую страной.

Мне кажется, что в клетках моего
Давно уже истерзанного тела,
Хранится память существа того,
Кем был когда-то я на самом деле.

Я совершенен был, был идеален,
Как совершенен мог быть только стих
И музыка могла быть, но в печали,
А не этюд от этого – до сих.

Стереть ту память мне не удаётся,
Не удаётся память задушить.
Она жива, как в глубине колодца
Жив мой родник и сердца, и души.

И после пьянств и безрассудных шейков
Одновременно с чувственной виной
Приходит осознание совершенства,
Не полностью утраченное мной...

Растащили правду по углам,
Не осталось ничего на завтра.
Кажется – она и тут, и там...
Только это, всё-таки, не правда!

Правда – в единении людей
Для того, чтобы достигнуть цели.
Правда...не завидую я ей,
Хорошо, что люди уцелели.

Снег валит, сечёт противный дождь,
Ветер развивается в природе-
При любой погоде только ложь
Саморазмножается в народе.

Стихи – не работа,
Стихи – не печаль.
Мне кажется что-то
Поэзия-даль!

Она, слава Богу,
Вся устремлена
В ночную дорогу,
Где светит луна.

А утром в оконца
Для разных людей
Врывается солнце –
Вставайте быстрее!

Я верю, что надо
Придумать декрет –
Стихи – это радость,
А солнце-поэт!

Прислушиваясь к душедвижениям,
Всё меньше и меньше, увы,
Мне пишется стихотворений
О лете и о любви.

Всё чаще об осени грустной,
Всё больше о близкой зиме –
И хочется очень по-русски
Напиться от ужаса мне.

Одуванчики

Решили как-то одуванчики
Собраться вместе на лугу,
Взглянуть на девочек и мальчиков,
Попить спиртного из стаканчиков,
Но ветерочку ни гу-гу!

И собрались! И вот заохали –
И в городе, и на селе
Работали они неплохо ведь,
Шли в ногу с бурною эпохой,
Но... поседели нынче все.

И спели песенку Митяева –
Не зря, мол, всё же собрались.
Их дружба снегом не растаяла,
Шёл караван, собака лаяла
И продолжалось чудо – Жизнь!!!

Но дунул ветерок-дружок –
И разлетелся весь лужок...

Предновогоднее

Исчез прекрасный снегопад
В предощущении тревоги,
И даже сердцу не впопад,
Не в такт ему шагают ноги.

Я понимаю – жизнь не та
Зимой предназначалась клёнам,
И даже ёлка – красота
Муниципальная в зелёном.

Но ты печально не ищи
Сверхдальновидного намёка –
Тут очищение души
При созерцании высоком,
А в этот год снега ушли,
Как школьники с уроков.

Автопортрет

И опять, как туча тая,
На твоих глазах
Выпиваю рюмку чая,
А закуска – страх.

Водка – дьявольский художник!
Мощные мазки...
Под глазами, словно в дождик,
Мокрые мешки.

Нос, как будто Гималаи, –
Рериховский стиль.
Щеки красные пылают,
Сердце хоть в утиль!

Зубы желтые, как месяц,
Кривизной штыков
Не еду – закуску месят.
Все – портрет готов!

И, смотря на эту рожу,
Думаю одно:
«Водка – истинный художник,
Я – лишь полотно».

Может, будут признаны
В будущем борделе
Очень уж капризными
Песни, что мы пели.

Но хочу вообще-то я,
Чтоб моя страна
Помнила «Священная,
Священная война!»

Понимаю ли смысл разницы
Между жизнью и смертью? Да!
Как будто в яблочко задницы
Воткнулась мичуринская беда...

Понимаю ли радость вычитания
И сложения, понимаю ли? ...Нет!
Смерть – это величайшая тайна,
Не признающая арифметику лет

В сонном отзвуке страстного звука
Столько силы, летящей к тебе!
Посмотри на меня, как на друга,
А не как на случайность в судьбе.

Мы смотрели, но видели мало
Близорукие наши бока.
А пока... только простынь летала –
И срывала мои облака!

В соединении печальном,
В непонимании глухом
Мы забываем изначально,
Зачем мы дышим и живем.
И даже в радости прекрасной
Нас обжигает иногда
Простая мысль, что жизнь напрасна
И смерть настигнет, как всегда.
А я придумал очень ловко
И передам вам свой азарт:
Смерть – это лишь командировка
Без возвращения назад.
Командировка в неизвестность,
Командировка в никуда.
А, может, смерть – начало песни?
Тут – нота «до», там – нота «да»...
Давайте думать веселее
И мы воистину поймем,
Что смерть – она переселенье
В не нами выстроенный дом.
Я превращусь в собачку или...
Да нет – в собаку превращусь,
Чтоб вы, друзья, меня кормили –
От этой мысли я тащусь!
Я буду лаять, охраняя
Моих друзей богатый дом...
Но если честно – я не знаю,
Зачем мы дышим и живем.

Когда никому не обязан,
Когда никому я не должен,
Я чувствую – все-таки связан
Твоею молитвою, Боже!
Когда нарушаю законы,
Когда поступаю, как Каин,
Я тихо стою у иконы
И мысленно все-таки каюсь.
Прости за мои прегрешенья,
За те, что когда-нибудь будут.
За все мои стихотворенья,
В которых я славил Иуду.
Прости, кредитор, ты за ссуду,
Но жил я не так, как мечталось,
Сражен я той мыслью паскудной:
«Да что в этой жизни осталось?»
И надо ли мучить лекарством
Свою возмущенную сущность.
Уж лучше печально прокаркать,
Как ворон: «Все знаю, мне скучно».

В.Воронцову

Извини меня за то –
Я, конечно, конь в пальто,
не иначе.
Почему же у меня,
У меня-то, у коня,
Сердце плачет.
Так не может быть вообще –
Может быть, я – конь в плаще?
Но такой я,
Что звучит в моей судьбе
Непонятное тебе
Беспокойство.
Я душою был бы рад,
Если б черный тот квадрат
Был моим бы.
Если бы в Африке лихой
Исполнял бы и глухой
Эти гимны.
Извини ты, извини
За потерянные дни,
Да и ночи.
Душу ты мою не тронь –
Человек я, а не конь,
Между прочим.

Ты шумела, как умела,
Я печалился, как мог.
Только разве в этом дело?
Правду слышал только Бог.

Я метался на распутье
Перекрещенных дорог.
Я решался – будь, что будет!
Правду видел только Бог.

Ты мечтала изобилья
Получить волшебный рог,
Ты забыла то, что было.
Правду помнил только Бог.

Что ж такой он молчаливый,
Нам не подал добрый знак?
Надо было б – либо-либо,
Надо было б так – не так.

Я уроки сослаганья
Заучить никак не смог.
Что бы стало, если б лгали, –
Знает, видно, только Бог.

Доне – Ирине

Вот приедет дочь издалека...
Там есть рыбы, в небе – облака.
И луна в том городе морозном
На людей не смотрит свысока.

Вот приедет дочь – ее я встречу,
Будет звезды рассыпать нам
вечер.
И ее, кровинушку родную,
Обниму я ласково за плечи.

Вот приедет дочь, и город этот
Рассмеется новогодним светом.
И она мне скажет: «Знаешь, папа,
Я всегда мечтала быть поэтом».

Я отвечу: «Ты и так звезда!
Пусть и не сложились нет и да».
Я ее поглажу по головке
И шепну на ушко: «Не беда!».

Я и сам, наверное, дураком,
Я всегда шел в жизни напролом.
Я не знал, что лучше нет приема
Против лома, чем обычный лом.

У меня всегда была мечта –
Победит на свете доброта...
У людей, не верующих в это,
Знать ориентация не та.

Давайте вспомним обо всем,
Что было раньше.
И песню звонкую споем
Без всякой фальши –
От сердца чистого, как снег
У нас в Сибири,
О нас, любимых, и о тех,
кто нас любили.

Припев:

Давайте, давайте, вина наливайте
И с мудрой улыбкой припев подпевайте –
за здоровье жизни, за прожитый час,
за нашу Отчизну, а, значит, за нас.

Не будем помнить мы о том,
что было плохо.
Мы песню светлую споем
Не об эпохе.
Споем об искренних друзьях,
О тех, кто с нами,
О тех, кого забыть нельзя –
О папе, маме...
За эти радостным столом,
Когда все вместе,
Давайте все-таки споем
Простую песню.
От сердца чистого, как снег
У нас в Сибири,
Он нас, любимых, и о тех,
Кто нас любили.

А.Никитину, В. Шмакову.

В каких мы облаках витали,
Каким быть мог тревожный час,
Какое счастье мы видали –
Никто не вспомнит – кроме нас.

И как мы искренно любили –
Внезапно искорки из глаз –
Девчонок Западной Сибири –
Никто не вспомнит, кроме нас.

И никогда никто не вспомнит
Какой в душе светил алмаз,
Когда мы шли в интимность комнат, –
Никто не вспомнит, кроме нас.

А кем мы были, как мы жили –
Отдельный все-таки рассказ.
И как мы по-мужски дружили –
Никто не вспомнит, кроме нас.

Басня

Назначили Осла, но молодого,
Руководителем рабочей группы
По добыванье слитка золотого...
Не будучи из группы самым глупым,
изображая деятельность рьяно,
Он речь держал, почти что как Ульянов.

Задачу он поставил и озвучил,
Он объяснил, что слиток золотой
Серебряного слитка кратно лучше.
Но лев его прервал: «Осел, постой!
Пока ты тут зверям задачу ставил,
Добыл я золото на рабочий саммит».

Но при разделе премии за слиток,
Был старый Лев по возрасту забытым,
Зато Осел за видимое рвение
Хорошее урвал вознаграждение...

России

Изумительное хамство,
Характерное для мужчин, –
Я врываюсь в твоё пространство
И срываю сетку морщин.

Не старей, дорогая, не надо,
Ведь тебе расти и расти,
А поэту одна награда –
Быть всегда с тобой по пути.

Любкин дом

Юность, юность бесшабашная
Вспоминается мне вновь,
Словно жизнь моя вчерашняя,
Словно первая любовь.

Припев:

Это было в Тюмени...
За Тюменкою дом –
Утопал он в сирени
Вместе с Любкою в нём.
Я ходил на спасенье –
Я срывал ту сирень
Первый раз в воскресенье,
А потом каждый день.

Год прошёл и всё закончилось –
Разошлись у нас пути,
И теперь сирень девчоночью
Никогда мне не найти.

Припев

Дом сгорел – и жизнь не вечная,
Но мою волнует кровь
Эта улица заречная,
Где жила моя любовь.

Припев

И не заплачем мы...

Не упрекну тебя, не упрекну.
Что упрекать, зачем? Жизнь на исходе.
Давай-ка вспомним мы свою весну –
И не заплачем мы с тобой при всём народе!

Припев:

Не обижайся... Что уж обижаться
На прошлые ошибки на свои?
Конечно, надо было разбежаться
От рухнувшей, как здание, любви!

И не обижу я твои слова,
Свои слова – люблю! Любовь проходит...
В ночи седая светит голова,
Но не заплачем мы с тобой при всём народе!

Пойму, любимая моя, я всё пойму –
Твою обиду при любой погоде,
И все твои условия приму –
И не заплачем мы с тобой при всём народе!

Конь мой, конь мой!

Цыган дед мой – искорка огня,
Чёрные глаза и голова.
Как любил он своего коня,
Говорил ему хорошие слова:

Припев:

Конь мой, конь мой – сила лошадиная,
Конь мой, конь мой, ты моя судьба,
Ты моя история старинная,
Не смогу прожить я без тебя!!!

Мой отец купил себе "Москвич" –
У цыганов состоялся бунт,
И хватил барона паралич,
Что отец мой приобрёл себе табун!

Может быть, не прав, не прав я здесь,
Но права в кармане у меня –
Я купил недавно "Мерседес" –
Лучшего на свете нет и нет коня!

Три длинноносые сестры
Терпели длинные носы
До той поры, до той поры,
Пока не подросли –

Им замуж трём уже пора,
Они могли б остаться с носом...
Решила старшая сестра –
Я обращусь к врачу с вопросом:

"Нельзя ли нос укоротить,
Чтоб замуж выйти и родить?"
И ей ответил доктор: "Да,
Деньжата в кассу – и сюда!"

Две длинноносые сестры
Оставили свои носы
До той поры, до той поры,
Пока не подросли –

Им замуж двум уже пора,
Они могли б остаться с носом...
Сказала средняя сестра:
«Я подойду к врачу с вопросом:

«Нельзя ли нос укоротить,
Чтоб замуж выйти и родить?»
И ей ответил доктор: «Да.
Деньжата в кассу – и сюда!»

Одна лишь младшая сестра
Вела себя нормально,
Её жених сказал:»Ура!
Она – оригинальна».

У младшей чудная семья,
А две сестры остались с "носом",
И, слёз печальных не тая,
Они пошли к врачу с вопросом:

"Нельзя ль носы нам нарастить,
Чтоб замуж выйти и родить?"
И доктор чётко, как всегда:
"Деньжата в кассу – и сюда!"

Я был молодым – и влюбился в гитару,
Она инструментом казалась мне старым,
Но я упросил свою добрую маму,
Учил я упрямо за гаммою гамму.

Припев:

До-ре-ми-фа, соль-ля-си-до!
Я в нотах – ах, поднаторел.
До-си-ля-соль, фа-ми-ре-до!
И я с гитарою взрослел.

С гитарой, с гитарой
Ходил я на пару
К девчонке любимой
В сиреневый парк.
Она не меня –
Полюбила гитару,
А я не жалел
Свои пальцы, дурак!

А жизнь пронеслась,
как по струнам глissандо,
Жена говорит: «Всё играешь? Не надо –
Ты старый уже, а гитара для юных,
Не мучай ты гаммы и нежные струны»

Я внучке своей, приходящей из бара,
Внушаю, что лучше не сыщешь гитары,
Она говорит: "Эх ты, дедушка милый,
Послушай гитару – играет мобильный!"

Шуточная песня

Есть на Руси красивые места –
И Кисловодск, и город Элиста.
И женщина, Господь меня прости,
Есть на Руси...
Она какой-то тайною владеет,
И эта тайна, словно нимб, над нею.
Она б ее раскрыла, да не смеет,
Хотя от жаркой страсти пламенеет.

Мужчина ее тайну раскрывает,
Одежды ее тайные срывает,
И женщина, предчувствуя паденье,
Ложится... как строка в стихотворенье.

Воспоминание
(по рассказу Ивана Рогалева – электрика
с улицы Осипенко, 19)

А в тесном танцзале музыка играла,
Вся сцена сверкала, огнями полна...
Глазенками ты, как Ростова, моргала.
Наташа Ростова, ты снова одна!

К тебе подошел я,
Как юный Болконский, –
«О, милая леди», – я тихо сказал.
И сразу влюбился
И в хвостик твой конский,
И в светлую челку, и в чудо-глаза.

Танцуя со мной,
Ты смотрела в окошко –
Там грустно луна излучала печаль,
Хотелось сказать:
Улыбнись хоть немножко!
Жизнь сможешь свою
Ты с начала начать.

Но с губ – Боже мой! –
Не сорвалось ни слова.
Тобой очарован, я скромно молчал...
Прости же, прости же, Наташа Ростова,
Единственный танец и тесный танцзал.

Не знаю, ты вспомнишь,
Смешного партнера,
Что так и не смог
Рассказать про любовь?
Нет, я не Болконский! О чем разговоры?
Я – скромный электрик, Иван Рогачев...»

Гимн Нижней Тавде.

На пути своем
К звездам мы летим,
Видим отчий дом –
И гордимся им!
Знаем – только там
Мы корнями.
Хорошо, люди, нам
Если с нами....

Припев

Нижняя Тавда-
Ближняя звезда!
Для других мала
Родина моя –
Нижняя Тавда,
Нежная Тавда!
Не забыть нам тебя
Ни-ког-да!

К звездам я лечу –
Значит, только ввысь,
От любви кричу:
«Здравствуй, здравствуй, жизнь!»
Здравствуй, Тавда –
Чудо, здравствуй,
Но найдем мы тебя
И без карты...

После дальних звезд
Хорошо бы мне
Жить среди берез
В этой стороне.
Знаем – только там
Мы корнями
Хорошо, люди, нам,
Если с нами...

Я думал – жизнь моя беспечная,
Я думал – буду жить и жить,
А оказалось, что, конечно, я
За все обязан заплатить.

Припев:

За воду из колодца,
За водку из ларька,
За все платить придется
Наверняка
За синеву небес,
За огонек костра
Мне рассчитаться здесь
Пора...Пора...Пора...

И ты, любовь моя заречная,
С тобой я вечно думал быть.
А оказалось, что, конечно, я
За все обязан заплатить.

И ты прощай, моя планеточка,
Моя серебряная нить,
За все платить нам надо, деточка,
За все, за все, за все платить.

Песня о Севере

Сердце Северу положено –
И морозам, и ветрам.
Там оно и заморожено,
И навек осталось там.

Припев:

Там снега вековые,
Там суровая Обь,
Там узнал я впервые,
Что такое любовь.

Я влюбился в эти строгие
Очертания небес,
И твоё сердечко вздрогнуло –
Он понравился тебе.

Север – дивное сияние
И Полярная звезда,
И такие расстояния,
И такая красота!

А мне-то и надо немного,
И этим богата душа –
К прекрасному солнцу дорога...
И зёрнышко карандаша.

Стихи, как тревожные маги,
Меня обступают, дыша.
А мне-то и надо – бумаги...
И зёрнышко карандаша.

Не требую высшей награды,
Без низшей живу не спеша –
Мне родину только и надо...
И зёрнышко карандаша!

Мимолётность жизни сознаём,
Что же делать? Даже принимаем.
Не страдаем? Изредка страдаем
От того, что всё-таки умрём.

Умираем тихо и светло,
Не мечтая о наивном рае,
Умираем, словно изливаем
Из груди излишнее тепло.

Из черепа, из черепа
Олегова коня
Я пил вино – и нечего
Обманывать меня.

Я чувствую Викторию,
Как зверь летящий след.
Я знаю ту историю,
Которой вовсе нет!

Нигде не слушают меня...
Ни дома – надоел,
Ни на учёбе – говорят:
«В стихах поднаторел.
Собаку съел, заматерел»
Заматериться, что ль?
Но почему-то в сердце боль,
Такая боль!

Зато читал часов я семь
Собаке молчаливой,
Которую ещё не съел...
И был такой счастливый!

Печататься – не значит быть поэтом!
Как часто забываем мы об этом,
Как часто среди книжной шелухи
Мы ищем настоящие стихи.

Такое вы услышите нечасто:
Печататься – носить печать несчастья,
А если счастья выкроишь зерно,
Другим предназначается оно.

А я считаю, что простой ручей
Гораздо поэтичнее речей.

В стихах юнца так смысла много,
Так мудр неокрепший бас,
Что кажется его дорога
Уже кончается сейчас.

А вот седой, уже с горбинкой,
Так распевает от любви,
Что кажется – его тропинка
Лишь начинается... Увы!

ПопадаютсЯ деньки,
Что ни шаг – одни пеньки,
Ни тебе разумной мысли,
Ни талантливой строки.

Хочешь море, но в ответ –
От ближайшей лужи свет,
И такое ощущение –
Будто счастья в мире нет.

Давление

Голове моей на удивление
Поднялось наверх моё давление.

Голова спросила: «Ты чего?
Ты чего вскарабкалось встревоженно?
Ты чего поэта обезножило
И обескуражило его?»

Он хотел создать стихотворение,
Чтоб оно осталось бы в веках...»
На такую чушь моё давление
Выдавило искреннее: «Ах!»

Ах, как много тех, что метят в гении,
Ах, как много тех, что жили-были,
Ах, как много их стихотворений
Отвергали даже в «Крокодиле».

Диалог с женщиной

Звучала музыка во мне,
В тебе звучала,
Печально в нашей стороне –
Начнём сначала?

Но это пройденный этап,
О, дорогая!
И я не тот, и ты не та –
Страна другая!

Голубь

Я нашёл голубя – он не умел летать...
Что-то в нём такое случилось.
Выбросить жалко – не полетит,
Выбросить – не поднимут.

А дома, услышав музыку,
Голубь... затанцевал,
Хотя и не был учёным.
Что-то в нём такое случилось.
Услышит музыку – танцует,
Музыка окончится – тоскует...

И умер мой голубь!
Но я же кормил и поил его,
Честное слово!
Что-то в нём такое случилось –
Взял и умер. Умер и всё...

А после товарищ в больших очках
Мне объяснил беспристрастно и чётко,
Что голубь, не умеющий летать,
Обязательно бы умер,
Не умереть не мог бы,
Более того – обязан умереть!

А я-то думаю – я виноват.
Надо было музыку...
Музыку было надо...
Было! Надо! Музыку!
И он бы жил...

Россия, я - твой колобок,
Качусь не от тебя – к тебе я,
Но песен, сочинённых впрок, –
Весёлых песен не имею.

Беспечно не пою я, нет,
С небес я не хватаю звёзды –
Я из муки военных лет
Голодной матерью был создан.

Журавль.

Один – единственный на область
У нас в селе журавль стоит,
К полёту дальнему способность
Он в крыльях срубленных таит.

А чтобы не взлетел над лесом
Незаменимый на селе,
Его бадья с противовесом
Удерживают на земле.

Но ни скрипучая работа,
Ни тяжесть в крыльях – ничего
Отбить желание полёта
Не могут всё же у него.

И по ночам, когда не нужен,
Такой нелёгкий на подъём,
Он над землёю спящей кружит
С противовесом и бадьёй...

Уйдёт на пенсию колодец,
Окончив миссию свою,
Противовес куда-то бросят
И снимут тяжкую бадью.

Односельчане будут сами
Ему хорошего желать,
И – захлебнётся небесами
Натренированный журавль.

Приметы

Я верю в бесчувственность
 чёрных поверий,
Недаром ведь тучи
 окутали горло небес –
И чёрные птицы
 срываются с чёрных деревьев,
И снег у подножий
 деревьев не девственно бел,
И чёрная кошка вчера
 перешла мне дорогу,
И баба навстречу прошла,
 громыхая порожним ведром,
И даже подкову сорвали...
 Она над порогом
Давно уж висела,
 улыбкой светясь и добром,
И глухо ударил мороз,
 и печальная птаха
Всю ночь мне стучала,
 стучала, стучала в окно,
И где - то в ночи филин
 ухал и охал, и ахал:
«Ух, неладно. Ох, тревожно!
 Ах, ужасно темно!»

И невольно поверишь
 в это чёткое чудо предчувствий –
Вековые приметы,
 им не верить, наверно, нельзя.
Если всё невпопад,
 на душе и печально, и пусто –
Значит, видимо, смерть
 выразительно смотрит в глаза.
Я готов умереть!
 Наплевать на поверья, приметы.
Только чувствую я,
 только чувствую сердцем одно:
Я не знаю – родился ли я
 и умру ли в России поэтом,
Но в Россию стучался,
 стучался, стучался, как птица в окно.

Я был рождён в бомбоубежище,
От взрывов пели кирпичи,
И мне встревоженная беженка
Орала шёпотом: «Кричи!»

И я, от взрывов ошалелый,
Как вспоминают, не молчал.
Впервые принялся за дело –
И даже смерть перекричал.

И музыка тревожная, как вьюга,
Во мне звучит печально и светло.
И некуда пойти... И нету друга,
Запропастилась чуткая подруга,
Товарищей куда-то увело.

Одни лишь собутыльники отныне
С бесцветными глазами норовят
Увлечь меня в глубокое унынье.
Их рожи перезрелые, как дыни,
Моей душе ничто не говорят!

И ухожу я в синие морозы,
В заснеженные чуткие леса,
И забываю радостные рожи
И, что ещё немаловажно тоже,
Фальшивые пустые голоса.

Какой простор!!!
Но я не стану ахать,
Я понимаю трезво и светло,
Что друга нет, забрал подругу хахаль,
Товарищи, наверное, не сахар,
Коль их куда-то что-то увело.

Какой простор?
Есть обречённость круга,
Есть однозначность гробовой доски.
Вот потому звучит во мне, как вьюга,
Мелодия без женщины и друга—
Печальная мелодия тоски.

На родине

Здесь звуки в стократ гениальней,
Здесь каждое лыко – в строку.
Я слышу на хуторе дальнем
Истошное ку-ка-ре-ку,

И посвист таинственной птицы,
И русскую речь воробья...
Как сладко – домой возвратиться,
В родные до боли края.

На каждого готовят компромат,
На небесах для всех отлиты пули,
А я пою для вас – и очень рад,
Что песни вас мои не обманули.

А я умру так тихо и светло,
Я никому на свете не был тесен.
Не знаменит? Считаю – повезло,
Не именит – зато немало песен.

Я, исчезая из своих времён,
Хочу признаться искренне и честно,
Что славой не был я обременён,
Но я хотел, чтобы остались песни.

Ах, как меня жизнь обманула,
Меня обманула земля,
Тропинка назад повернула –
И получилась петля!

Нарушена шумная смета.
И в лето одето пальто.
Я вечно чего-то – не это,
Я вечно чего-то – не то...

У человека есть гнездо – земля,
Но человек куда-то вечно рвётся.
Воробушком из глубины колодца
Выстреливает сердце из меня –

И я лечу... Зачем, куда лечу?
Ах, я же птица! Потому и плачу,
Что без гнезда я ничего не значу,
А без земли и значить не хочу.

Я – поэт...
Поэту можно
Дёрнуть рюмочку с утра.
Увидав такую рожу,
Закричит солдат:
«Ура!»

Полыхают,
Как знамёна,
Нос и красные глаза...
Я – поэт.
Поэту можно,
А прозаику...
Нельзя.

Гимн водке

Как пишется легко,
Как пишется в охотку,
Когда не молоко
Пью, а простую водку.

Встаёт прекрасный мир,
Когда залью я в глотку
Не тягостный кефир,
А радостную водку.

И надо для стиха
Совсем немного – сотку.
Не вижу я греха
В том, что люблю я водку.

Но трезвостью дышу,
Толкая жизни лодку,
Когда я не пишу, –
То бишь, не пью я водку.

Если бы меня назначили,
А выбрали – было б полезнее,
Каким-нибудь высоким начальником,
Например, министром поэзии,

То первым моим декретом
(И вряд ли придумать лучшее)
Я запретил бы подвластным поэтам
Сочинять об Александре Пушкине!

Поэт читал о Мире и Вселенной –
Наверное, космический поэт...
А можно я о бабушке Елене?
Я думаю – никто не скажет: «Нет!»

Она проста, как ягоды и росы,
Встречающие бабушку в лесу.
И у нее редящие косы
И даже бородавка на носу.

Нет, не поет она печально-длинно
И не берет второй октавы «ми».
Конечно же, не бабушка Арина,
Но ведь и я – не Пушкин, черт возьми!

Я вижу всё –
И горизонт в тумане,
И самолёт,
Летающий в облаках,
И женщину
С невинностью в глазах,
Которая
Когда-нибудь обманет.

И будет лгать,
Едва откроет двери,
Рассыпав лжи большие пятаки,
И ей не будут верить дураки,
Но, как ни странно,
Я ей буду верить.

Так хотел я тебе позвонить
Из далёкого чуда – Китая.
Но, язык их нерусский не зная,
Я не смог это им объяснить.

Я не смог объяснить им, увы,
Что звонок мой так многое значит:
Дозвонюсь – всё равно ты заплачешь,
Если нет – я умру от любви.

Женщина, как скрипка, –
Чем взрослей,
Тем её ошибка
Всё слышней,

Тем её звучание
Всё нежней,
Тем её молчание
Всё больней...

Холодный ветер расставанья
Ударит в наши паруса,
И поплывут на расстоянье,
Как два челна, твои глаза.

Придётся ль свидеться нам снова
У островка житейских встреч,
Чтобы твоё услышать слово,
Чтобы твоих коснуться плеч?

Зачем такая
Приснилась повесть –
Беру руками
Больную совесть,

А совесть плачет,
И нет покоя...
Что это значит,
Зачем такое?

Песня

Ах, снега, снега – словно белый дождь
Над моей землёй запорошенной,
Ты зачем пошёл,
Ты куда идёшь?
– К лету я иду – за морошкой.

Оглянись вокруг – ведь снега кругом,
Что за мысль тебя заморочила,
Ты зачем пошёл
И оставил дом?
– К лету я иду – за морошкой.

А мороз стоит – разрывает грудь,
Даже сердце в ней заморожено.
Ты зачем пошёл
В этот трудный путь?
– К лету я иду – за морошкой.

Все вокруг твердят: «Твердолобый он»
Мол такой – сякой, мол, он сошка лишь.
Ты зачем пошёл,
Ну, какой резон?
К лету я иду – за морошкой.

На месяце повеситься –
И повисеть.
Такая куролесица –
Ни пить, ни есть.

Висит поэт и задницей
Он задевает век...
Кому-то очень нравится
Висящий человек.

Носки его болтаются,
Ботинки на весу,
А существо скрывается
В таинственном лесу.

На месяце повесился
Задумчивый поэт
Не потому, что весело,
Не потому что, нет...

У Альберта Энштейна
Спросили однажды друзья:
«Вы – великий учёный!
Зачем же подкова над дверью?»

Он ответил: «Конечно,
Конечно, ей верить нельзя,
Но она помогает и тем,
Кто в неё почему-то не верит»

Вначале было слово

Первопечатника мы знаем на Руси...
А кто был первым в мире, что придумал
Слова, звучащие безумно и легко,
Перенести на мудрую бумагу,
Кто?

Смущённое молчание... Не знаем,
Мы многое не знаем, чёрт возьми.
Не знаем первых,
Самых первых – первых,
Сметливых, даровитых, башковитых,
С талантливыми умными руками.

Кто в мире слово первое сказал –
Не «Ы» да «АХ», иль с помощью полена,
А так, членораздельно и напевно,
Кто слово в мире первое сказал

И что это за слово было всё же?
Не думаю, что связано оно
С понятиями ссоры или битвы.
Скорей – любви или простой молитве
Обязан мир перворожденью слова.

А кто был в мире первым, что придумал
Слова простые, как изделия круга
Гончарного,
Так сопоставить складно,
Что стала речь похожа на ручей?

Кто написал впервые – повестую
О славной деве, что меня пронзила
Не острой пикой, а печальным взглядом,
Кто первым был?

Ненцы – мудрый народ, суеверный немножко,
Ведь когда умирает какой-нибудь дед,
Он родным говорит: «Я пошёл за морошкой», –
И уходит из чума... И его больше нет...

И когда меня жизнь невзначай заморочит –
Пусть не так я и стар, пусть не так уж я сед,
Поступлю, словно ненец.
«Он ушёл за морошкой», –
Так скажите, коль спросят,
Любопытным в ответ.

Зачем стремленье,
Восторг огня –
Убили Меня,
А не меня?

Убитый мог бы
Простить грехам,
Он ближе к Богу,
А я – к стихам...

Музе

Пред водоёмом глаз твоих
Стоял бесстыже обнажённый,
Твоей красою потрясённый,
Мой юный мускулистый стих.

Был выбор: или стать твоим
Пусть не рабом – чернорабочим
И петь тебе и дни и ночи
Непрерывающийся гимн –

Твоей отраве и красе,
Твоим немислимым созвучьям,
Но, опытом других научен,
Он поступил не так, как все.

Свободен он от чар твоих,
От славы призрачной свободен
И пусть кому-то неугоден
Необязательный мой стих –

Он солнце пьёт, когда жара,
Он слёзы льёт, когда печально...
Ему была ты изначально
Всего лишь навсегда – сестра.

Я, наверно, ослепну –
Не могу я смотреть на тебя!
Ты красивее ливня
И прекраснее красок огня.
Посох белый возьму
И пойду по лугам и степям.
И навеки исчезну...
И никто не увидит меня.

Я оглохну –
Мне слышать неловко сиё.
Дескать, я недостоин
Созвучий великого дня.
Посох белый возьму,
Не услышу проклятье твоё
И навеки исчезну...
И никто не услышит меня.

Я, конечно, умру –
Перейду эту вечную грань,
Что видала политиков всяких
И всяких менял.
Посох белый возьму
И уйду в предрассветную рань...
Но ведь ты никогда,
Никогда не забудешь меня?

Я, конечно, ошибался
И сбивался на фокстрот,
И прощения у вальса
Я просил, как идиот.

А вокруг кружились пары –
Пар таранил потолок.
Шуры–муры, тары–бары,
Кто–то девку поволок,

Кто заооперативел,
Кто совсем заостенел...
Мир мне этот опротивел,
Повернулся я к стене

И твердил,
Что свет наш – светел
И не так уж тьма – темна,
И не так уж страшен ветер,
И зима не холодна.

Триптих

I

Я не хочу стареть и быть
Какой-нибудь развалиной,
Я не хочу себя любить
На пенсии – и в валенках.

Я не люблю в себе того,
Хромающего к старости,
Я и умру, но – иго-го! –
От ощущенья радости.

II

Великих рек речная речь
Неторопливая на вид,
Ведь их задача – течь и течь,
А мелких – звонко говорить,

И суетиться, и скакать,
И делать вид великих рек,
И отражаться в облаках,
Пытаясь растянуть свой век.

А реки мощные несут
Среди лесов, полей и роц
Свою стремительную суть
И оглушительную мощь.

III

Благоустроенный типаж
Сейчас собой я представляю –
Квартира, солнечный этаж,
По вечерам с женой гуляю.

И выпить есть, и есть поесть,
Но уж такой я, видно, комик –
Казалось, всё, что надо есть,
А сердце почему-то колет...

Алфавит от А до Я
Говорит: «Вот жизнь моя».
Может, в жизни всё иначе,
Может, всё-таки не так,
Почему же мягко плачет,
Мягко плачет твёрдый знак?

Сравнения

Небо маленькое, как шляпа
Соседа-гуляки...
А какова же лапа
У сына моей собаки,

Тем более, что собачка,
В которой души не чаю,
Не более, чем пачка
Индийского чая?

Хоть долетели мы до звёзд
И в космос, радостные, вышли,
Я утверждаю –
Мир наш прост,
Как косточка от вишни.

Пьеса and P.S.

Поэт:

– «Поэт в России больше, чем поэт»
В другой стране нуждается в таланте
Найти на книжку денег...
Денег нет,
Но не искать их всё же в Таиланде!

Графоман:

– А почему бы нет?
Ищу повсюду.
Мне даже эскимосы помогли–
Я предложил им холодильную посуду,
И потекли в издательство рубли.

Издатель (показывает великолепно
изданную книгу Графомана):

- И вот шедевр издательских высот!
Такое чудо Пушкину не снилось,
А графоману всё-таки везёт
(Хотя стихи его, по сути, – силос!)

P.S.

По ходу этой пьесы –
Ещё есть поэтессы,
Которые узнали
Давно уж денег вкус,

А также ветераны,
Зализывая раны,
Патриотизма жизни
«Окучивают» куст,

А есть ещё пройдохи –
Все пуки свои, вздохи
И прочую бездарность
В издательства несут...

А в них не крутят фиги –
В них издаются книги,
Которые не вспомнят
Пока не издадут.

Но всех сложнее – сложность,
Что, обретя безбожность,
Отсутствие таланта
За сложность выдаёт.

Такие выкрутасы –
То тенором, то басом,
Что книги – эх, Марласов,
Уж не берёт народ.

Я живу в углу медвежьем,
Но пою не волчьи песни,
Хоть, признаюсь, что надежде
Тут и холодно, и тесно.

Только я живу – не плачу.
Вой метели мне по сердцу.
Собираю звёзды – сдачу
От рассыпанных созвездий...

Я такое вытворял,
Я такое делывал –
Я застёгивал Ямал
На застёжку белую.

Я шутил и пел шутя –
Время было славное.
Я считал, что буква «Я»
На Ямале – главная!

Я родился в городе курортном –
Где уж там до пашни и сохи?
Стало быть, поэтом второсортным
Выдавал я на-гора стихи.

Правда, горы есть, и среди гор тех
Был поэт значительный убит.
Не принадлежу к его когорте –
Моё сердце всё ещё скрипит.

Северный Кавказ, скажи на милость,
Снежную качая головой:
«Почему так в жизни получилось –
Север полюбил я, но иной?»

Пусть простит меня отец и мама,
И сестра любимая простит –
Я поэт прекрасного Ямала,
Там, где солнце то встаёт, то спит.

Им, родным, поверить в это трудно,
Что уж объяснять тут не родным.
Мой отец – Кавказ, а мама – тундра!
Я – их сын...
Я благодарен им.

И если синий свет луны мне дорог,
Пускай видна дорога к небесам,
И если дорог неба звёздный полог,
И жизнь, отмеренная по часам,

И если трав зелёные стенанья
Меня тревожат, шорохи неся,
И в сердце отражаются страданья,
Мой первобытный эгоизм гася,

И если вижу я тончайший росчерк
Летающих птиц, зовущих в небеса,
То это значит точно – Бога почерк,
И есть ещё на свете чудеса.

Ничего в поэзии не стоя,
Я умру, как лошадь от застоя.

Облако над тихую деревней,
Проплывёт, как траурный листок,
И в тиши прошелестят деревья:
«Слушайте – он всё–таки не смог».

И моя прабабушка Марина
Вдруг завоюет искренне и длинно...

А потом, не верящая в Бога,
Скажет тихо (чтоб не слышал Бог):
«Надо бы пожить ему немного»
И вздохнёт: «Он всё–таки не смог»

Господи, прости меня за смелость –
Я прожил не так, как мне хотелось.

Мало ли, слова каких я песен
В сердце переполненном берёг,
Мало ли, что был с друзьями весел, –
Главное, что всё–таки не смог.

Видимо, судьба моя иная –
Я не смог прожить, любви не зная.

Давай представим,
Что через кухню протянутая верёвка,
На которой подштанники, как подснежники,
Не что иное, как воровка
Нашей с тобой нежности...

«Ни дня без строчки» –
Вот девиз поэта.
Ему бы руки
Оторвать за это!

Когда надежда улетит,
То станет жизнь обычной.
Надежда – это жизнь в кредит,
А я плачу наличными.

Я - от сохи и от земли,
А что стихи в наличии,
Так это люди помогли –
Внесли свои наличные.

Для меня ты – удивинка,
Повод для стиха.
Для него ты – хворостинка
Пас-ту-ха!

И жалеть тебя не надо,
Прежняя любовь...
Гонит он тобою стадо
Чувств – коров.

Ты ждёшь – начнёт поэт, певец измен,
Стихи читать про женскую любовь?
Нет! Стихи я зажимаю, словно кровь
Клокочущую из вен.

Огни, огни... Шатается эпоха,
Туман в глазах... зелёные круги...
«Поёт поэт», – злорадствуют враги,
Но замерли друзья – поэту плохо!

Говорю тебе искренне я,
А тебе остаётся поверить:
Мир наш – дерево,
Корень – земля,
Ствол – столб воздуха,
Ветви – ветер.

Может быть, удивляясь слегка,
Ты поймёшь – этот образ правдив:
Над землёю висят облака,
Словно яблоки – белый налив.

Куда бы уехать, сорваться
В любую деревню, а там
Одеться в нечаянный ватник
И молча пойти по домам,

Чтоб снег неожиданно падал,
Мои заметая следы,
И кто-то в преддверии ада
Увёл бы меня от беды.

Никогда в таланты я не метил –
Мысль о том казалась мне пошла.
Жизнь прошла, а я и не заметил,
Я и не заметил – жизнь прошла.

Одеяло неба ниспадало
На мои усталые глаза.
Я воскликнул: «Как я прожил мало...
Можно ли ещё?»
Увы, нельзя.

Как тяжело на сердце, тяжело,
Как будто бы в него со всей Вселенной
Привезено отчаянное зло
И аккуратно сложено в поленья.

Я чувствую, что надо в магазин, –
Бреду к нему, конечно, по привычке,
Чтобы купить какой-нибудь бензин
И не забыть какие-нибудь спички.

Прислушайся к себе – и говори,
И в речи этой всё переплетётся –
И жалобы уставшего колодца,
И солнечные возгласы зари.

И в этой речи всё переплетётся,
И будет речь похожа на ручей,
Колодец – на соседнюю мечеть,
Мечеть – на отражение в колодце.

Я знаю, что жизнь – это строчка,
Которой не быть золотой,
Её не продлишь запятой,
Она увенчается... точкой

Есть философский смысл бытия,
А есть житейский – дважды два? Четыре!
И всё, происходящее в сём мире,
Делил на эти части глупо я,

Но был не прав!
Всё это лишь слова...
Ведь смысл жизни сверхмногообразен:
Прекрасные оттенки – безобразны,
Уродливы штрихи у божества.

Мир наш – антистатичен...
В строгих линиях здания
Есть движения птичьи,
«Синий ветер каслания»

Вольный ветер движения,
Как в волнах океана,
Есть в творениях гения
И в стихах графомана.

Ироническая поэма

Литературная Жутень

«Если люди перестанут мудрствовать
И отбросят умничанье,
польза их возрастёт во сто крат»

Лао-Цзы

**Редактору газеты «Жутенская правда»
Ларисе Охниной.**

Ты не стареешь, не седеешь,
Всё так же талия тонка,
Всё так же над строкою млеешь,
Когда талантлива строка.

Твои глаза с озёрным блеском,
Ах, золотые бубенцы,
звенят, блестят, как у невесты,
Как у невесты Лао-Цзы!

А всё же пройден путь немалый,
И я, как древний динозавр,
Смотрел, как от вершин Ямала
Ты пала... до жутенских правд.

Но жизнь твоя почти прекрасна –
Ты повидала целый мир,
Тебе стихи свои Мордасов –
Сам! Посвящает, чёрт возьми...

А что стихи? Их пишут много,
Их пишут все, кому не лень,
Их не оценивают строго –
Была бы только в них дорога,
Да злободневная Жутень.

В стихах всё больше чертовщины,
Всё заумнее норовят.
К примеру, Коля Шансединый –
Тот всё про греческих ребят,

Да про богинь пенорождённых –
Про Афродит и про Венер,
И не поймёшь – поэт-то оный
Из греков что ли, например?

Вот почему-то Колин тёзка –
Известный жуткий русофил,
О русских пишет трезво, хлёстко,
(Хотя, конечно, раньше пил).

О, Дом писателей злосчастный,
О, двухэтажный особняк!
Его раскачивали часто
Друзья-писатели, да так,

Что шум стоял по всей округе –
Шумели шумные дружки,
И так выделявали буги
«Со страшным скрипом башмаки».

А что?
Платила власть Советов
За их лирический галдёж –
Весна красна, прекрасно лето,
А, если осень, – значит, дождь...

Так что ж Вы, братцы, за поэты
(Поиздеваться тянет всласть),
Коль Вы профукали Советы,
Коль изменили Вашу власть?

Вы, словно маленькие дети,
Как Ленин, спрятались в шалаш!
А где же Ваш Шандор Петефи,
А где же Буревестник Ваш?

А я – сторонник Горбачёва,
Он первый ткнул замшелый ком,
Хоть говорят о нём хреново
И плюнуть норовят тайком.

А я за Ельцина горою –
Он первый Президент Руси!
По мне хоть пей, но будь героем,
А не болтай и не проси.

Сейчас Россия (Слава Богу –
А Он у нас-то был учён)
Выходит на свою дорогу,
Тяжёлым двигаясь путём.

Теперь и граждане простые
(Не очень сразу – где уж тут?)
Всё больше верят в ту Россию,
В которой дышат и живут...

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

«Когда все узнают, что добро – это добро,
Тогда и возникает зло»
Лао-Цзы

ПРОЗА ЖИЗНИ.

А два лирических поэта,
Два тёзки – Шанс и Коля Ден –
Чесали репы – как же это?
Им денег не даёт Жутень!

Союз писателей дал дуба
И приказал недолго жить,
А два отростка, хоть и грубо,
Но прижились! Чего тужить?

Да...! Не в чести теперь доносы
И даже жалобы в ООН.
У Вас есть спонсоры и взносы,
Кружитесь стаею ворон,

Ищите добрые примеры,
Предсказывайте верный путь.
Вы – инженеры душ. Гомеры!
И Вас оценит кто-нибудь...

Но это ж надо потрудиться,
А кто из них к труду привык?
Поэт сейчас – как божья птица,
Ему бы чИрик - он чирИк!

И Ден в Австралию подался,
И мы понять его должны –
Переосмыслить он пытался
Врагов Советской стороны –

Ну, подбелить там, приукрасить
И сдать финансовый отчёт,
Как бы сказал поэт Мордасов:
«Ден всё в Австралии учтёт».

И, кстати, прежде чем о Шансе,
Я о Мордасове – он волк!!!
Писатели Жутени в трансе –
Он Дом писателей увёл!

О, Дом писателей... Нередко
Его увидишь в городах,
Но кто-то должен за аренду
Платить за совесть – не за страх.

Платить за воду – на похмелье,
Зимой, – чтоб печка горяча
Была всегда... Ну, там помельче –
За ту же лампу Ильича,

За сторожиху тётю Тому
И за сантехника... А как?
Работы много есть по дому
Не на халяву, не за так.

Конкретно кто-то всё же должен
Платить зарплату им...
Как без?
Литературные вельможи
Им отказали наотрез.

И тут внимание – интрига!
Мордасов – тот ещё жучок:
«Вам непосильно это иго?
Готов подставить я плечо».

И он, директор фирмы некой,
Да на общественных хлебах;
Договорился с человеком
На очень выгодных паях,

Нашёл и спонсоров в Жутени,
Отремонтировал весь Дом,
Без громких слов, без лишних денег
Всю мебель заменил он в нём...

Но Ден, не верующий в чудо,
И в бескорыстие его,
Составил акты, чтоб отсюда
Не вынесли бы ничего.

Три шкафа, три стола и стулья
Ему Мордасов отписал,
Чтоб Ден любому мог бы – дулю!,
Да и домой – не смог бы сам.

Но за подарок, скажем, царский
Ден только жалобы строчил:
«Да эти стулья Луначарский
Сюда когда-то заносил!

Мы столько лет на них сидели,
А за рассохшимся столом
Поэты наши пили-ели
И в «стол» творили на «потом»,

А то, что всё-таки издали
Из всех своих не трезвых сил,
Мордасов вынес всё из зданья –
У туалета положил.

И, вот заметьте, что за птица –
Сказал, как истинный нахал:
«Народу ЭТО пригодится –
Народ оценит Ваш на-КАЛ!»

Мордасов книги все запрятал
От ветра, снега и дождя
И Дену так сказал: «Но я-то
Всё сделал то, что мог», «А я, –

Ответил Ден, – носить не стану,
Ремонт закончишь – занеси
Книжонок сорок – я расставлю,
Другие – хоть на небеси!»

И вот уж год у туалета
Лежит огромный ворох книг -
Для целей прагматичных этих
И то никто не ищет их!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

«Лучшее грушевое дерево никогда не родит
Даже дрянных яблок»
(Франсуа де Ларошфуко)

ПОЭЗИЯ ЖИЗНИ.

Теперь писатели «жируют» –
Они не платят ничего.
Две комнаты у них пустуют,
А где же Ден? А нет его!

Ден лишь тогда приложит руку,
Когда в неё ему дадут,
А без «зряплаты» только скуку
Наводит бесполезный труд.

Один Захар – поэт известный-
Два раза в месяц – три часа –
Поэтов собирает вместе,
Чтоб молодые голоса

Послушать, кое-что поправить
И пальцем указать талант.
Поэты все стремятся к славе,
Захар – их верный консультант.

Кто ходит на учёбу эту,
Кто оказал такую честь?
Студенты – вечные поэты
И даже офтальмолог есть.

О ней скажу отдельно слово:
Глаза её – сойдёт любой
С ума. Красивая особа
И, кстати, пишет про любовь.

Один большой-большой начальник,
Уже на пенсии, увы,
Но всё же пишет – вот охальник! –
Об эротической любви.

Ещё – хороший работяга
И не плохой поэт в душе,
Но декламатор – это тяга,
Неизлечимая уже.

Ещё один – рифмует тосты,
Но книгу всё-таки издал.
Его однажды даже в гости
Хотели пригласить в Израиль.

Захар не морщится, не стонет,
Он понимает – толку ноль,
Учить поэзии не стоит,
Коль это Богом не дано.

Поэт воистину несчастлив,
Когда он истинный поэт,
Но рвутся толпами на кастинг,
В котором смысла, в общем, нет.

Страна – единственная в мире,
В которой не талант и труд
Дают прикосновение к лире,
А знаменитый институт.

И в каждом городе приличном
(И в неприличном есть порой)
Кружок с названием поэтичном
По типу «С пушкинским пером».

О, сколько судеб, юных судеб
Перемололи, как зерно,
Хоть знали, что муки не будет,
А муки будут... всё одно!

О, как бы, как бы мне без транса,
Без потрясений областных
Всем показать поэта Шанса
На семинаре молодых?

На семинаре с молодыми
Категоричен Шанс, как Бог:
«Рубцов – да разве это имя?
А Горб, как выжатое вымя,

А Евтух – старый кабыздох.
Вы говорите – Бродский?
Бросьте
И не молитесь на него –
В сравнении со мною Бродский
Не стоит ногтя моего.

Рукоплекскала мне Варшава!
Я утверждаю на пари
– Моя поэзия и слава
Вот-вот – и потрясут Париж!!!

Я, словно подпоручик Кижее,
До генерала допишусь –
И буду жить тогда в Париже,
Покину нищенскую Русь.

Я вам – не простенький Мордасов,
Я первый на Оби-реке
Купоны начал стричь с Пегаса,
Шуруя ручкою в руке.

Я при Советах был богатым –
Я мог три «Волги» враз купить,
Как новый русский, я поддатым,
Мог десять тысяч прокутить!

Сейчас я стал «весёлым» нищим,
Поток финансовый усох.
Да что в поэзии мы ищем?
Она – не лакомый кусок.

Вот я издал штук двадцать книжек,
Но нет сберкнижки ни одной,
А если жил бы я в Париже,
Имел бы не одно «Рено»...

К стихам вы, говорите, ближе?
Творить вам, братцы, не дано.
Достоинство своё я ниже
Не опущу. Стихи – ... дерьмо!!!

Хоть я их не читал, но всё же
В стихах у Вас не вижу дар.
Мне их читать – себе дороже...
Я – закрываю семинар!»

А может прав поэт великий –
Что графоманов разводить?
И так уж издаются книги –
Лишь стоит деньги заплатить.

И платит пишущий народец –
Издательства, эх! – издают,
Бросают денежки в колодец,
А что ж не бросить, коль дают?

Вот книга, вот! Доволен автор...
«А мысль где?», – молчит в ответ.
Её забудут... послезавтра,
Она- то есть – поэта нет!

Конечно, рыночный порядок –
Есть спрос – и предложение есть...
Короче, буду очень краток
В главе с названием кратким...
ЛЕСТЬ.

О, Величайший из Великих,
Живущих ныне на Земле!!!
Твои огромнейшие книги
Внушают уваженье мне.

Такое мощное явление,
Метафор целый океан!
В сравнении с тобою Ленин –
Всего лишь жалкий графоман.

Так Вы не поняли – о ком я?
О Шансе!
Мой последний шанс
Пред тем, как гневно грязи комья
Вдруг полетят в меня сейчас,

Всем объяснить, что Шансединый –
Сверхгениальнейший поэт!
Он Высочайший, а не длинный,
Ему-то равных в мире нет.

И никогда уже не будет
На фоне сосен и берёз.
Он перерос на много будней
Живущих, живших пе-ре-рос!

Он самобытен, непорочен,
Метафоричен, как судьба,
Да так, что не единой строчки
Не может вспомнить из» себя»

Зато ведёт себя, как барин, –
«Поди сюда! Левай, правей!»,
Лишь потому, что он болгарин
Каких то голубых кровей:

«Рубцов-алкаш! Ничто не скажешь,
Горбовский – сумеречный свет,
А Евтух признаётся даже –
В Руси он больше не поэт».

И я подумал: «Вот интрига!
Он – Шансединый, он – Оглы –
Действительно, поэт Великий,
Но распознать мы не смогли

И никогда уже не сможем –
Его ведь надо прочесть,
Но Шансединый наш – о, Боже,
Нам, современным не чета!

Он проникает в мир глубинный,
Как, за зерном в амбаре, мышь...
А сам признайся, Шансединый,
Ты понимаешь, что творишь?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ЖУТЕНЬ ЛИТЕРАТУРНАЯ

Да что о Шансе и о Дене
Я речь веду который час?
Пора о городе Жутени
Сказать хотя бы пару фраз.

Жутень, Жутень – врата Сибири,
Провинциальный городок,
Но вдруг, как чудо изобилья,
Фонтаны нефти тут забили –
И начался людей приток.

Сказать полегче – кто не прибыл,
Да не за запахом тайги
И не за славой, а за былью –
За получением деньги.

Конечно, были и герои –
Салманов, Левин и Эрвье,
И тысяча других...
Порою
Их не упомнишь в голове.

Почти из всех, тогда республик,
А ныне – да! Из государств
Слетались, словно пчелы в улей,
Для добыванья чёрных явств.

Жутень теперь – столица нефти,
Столица газа – просто шик!
Сюда не приезжал лишь Евтух
Из знаменитостей больших.

Но остальные побывали
И посидели у костров,
В Ханты-Мансийске, на Ямале
Собой кормили комаров

Тут столько было спето арий
И столь прочитано стихов!
Умела партия пиарить
Во искупление грехов.

Воспоминание

Что этот северный размах
Для всей страны и мира значит,
Когда я видел – ненка плачет
С ребенком малым на руках?

Вы скажете: «Не в этом суть!»
Конечно, нефть и газ важнее,
А что, ответьте, будет с нею,
Когда строения снесут,

Уйдут, железный бросив хлам,
Оставив чёрные подтёки,
Во сколько горькие уроки
В дальнейшем обойдутся нам???

Продолжение:

По берегам Туры - речушки
Жутень устроила привал.
Тут не бывал великий Пушкин,
Но мёртвый Ленин побывал.

А Пушкин аж из Петербурга –
(Историки – они не врут)
Писал героям, а не уркам:
«Не пропадёт Ваш скорбный труд!»

И, декабристов почитая,
Поэт Василин перешёл
На прозу... Проза золотая,
Ты поступила хорошо,

Приняв его в свои пенаты, –
Стихи любовные его
Не слушают, увы, бесплатно,
А уж романы и того...

Редактор он «Сибирских окон»,
Всегда готов он через них
Взирать невозмутимым оком
На современников своих.

Его романы не осилив,
Как Шансединого стихи,
Пусть мне простит мой друг Василин
Мою иронию-с! Грехи...

И снова Дэн.
Он мудрый парень,
Он сам из здешних деревень,
Он много лет газетой правит –
«Литературная Жутень».

Он сам издатель, то бишь Сытин,
Он в ней же член-корреспондент
И главредактор! В этом сите
Себя просеивает Ден.

Его стихи всегда в почёте,
Но, как жутенский гражданин,
В газету матерьялы строчит
И сам читает их...
Один!

Один разглядывает снимки –
В том доме, где он родился,
Музей, носящий Коли имя,
А жители гордятся им-то,
Как и товарищи-друзья.

А это кто в газете?
Коля!
Сам самого, поэт, узри...
Была на то его бы воля,
Он снял бы плод свой на «УЗИ»!

А вот он в армии матросом –
Каким был Коля молодцом,
А, чтобы не было вопросов,
Его стихи опять... столбцом.

Своя рука – в делах улика,
Своей руке – не дан лимит.
Да это что? Поэт великий
В стихах большой антисемит!

Он – антигруз и антиазер,
Он – антиарм и антикит.
Он смыл бы всех их в унитаза
Иль утопил на дне реки.

Нет, нет!
Он, в общем, добрый парень –
Пусть «ары» Ереван метут,
А ненцы – снег, но на Ямале!
В Жутени... Коли пусть живут

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ.

ЖУТЬ ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Союз писателей – Союза
Республик братских и родных
Почил, как будто шёл он с грузом
И кто-то дал ему под дых!

Правопреемником – мощнейший
И богатейший, говорят, –
Союз России. Чтоб по шее
От тех же пишущих ребят

Не получить, То в этом, новом,
Без перестроечных химер, –
Всё та же власть, Всё та ж основа,
Как было и в СССР.

Крыло демократично свежих
Решило обрести полёт,
Не наступив на грабли те же,
Не оскорбив родной народ.

Союз писателей российских
Объединил народы все,
Кто не вошёл в...ханты-мансийский –
И в городах, и на селе.

И вскоре в городе Жутени –
Не ожидала и Москва –
Произошло вдруг разделенье,
Хоть и в одном... Едва - едва.

Союз возглавил Шансединый –
Во всём Приобье – первый член!
Что с Умским там не поделил он,
А, впрочем, не один ли хрен?

Делить-то нечего, по сути, –
Ни на моё, ни на твоё,
А, если дело лишь в посуде,
То Шансединый – пить не пьёт.

А Дом писателей?
Но Умский,
Не будь с гармошкой дураком,
Уже давно он «новым» русским
В аренду сдал почти весь Дом.

В две тыща третьем знаменитый
На всю общественность Указ
С водою вылил из корыта
Писателей – в пис-унитаз!

А те, обсохнув, словно тени,
Оделись в жалкое пальто:
«Подайте Совести Жутени!»
Но нет, им не подал никто.

И лишь Правительство создало
Книгоиздательский Совет,
Чтоб «Вас тут даже не стояло»,
Сказать настойчивым в ответ.

А в это время Умский Гошка
Ушёл на пенсию, увы, –
Стал подрабатывать гармошкой
Без арендаторской любви.

Его сменил поэт Василин –
Честнейший, в принципе, мужик,
Но оказался он не в силе –
И вскоре получился пшик!

Пшик материализовался –
Им стал небезизвестный Ден,
Но без финансов оказался,
Чем не в восторге был совсем.

Но понимаете Вы сами,
Что кушать надо каждый день
И, чтоб сводить концы с концами,
Ден не оставил «Литжутень».

В душе он против «новых» русских,
Но сам владелец «Жути» той,
Что свежий воздух не пропустит,
Не прославляющий «застой».

Вот так – то катаньем, то юзом,
А то совсем наоборот
Два отделения Союзов
Жутенских «гоголей» живёт.

И всё гогочут, всё гогочут,
Как пел талантливый поэт,
Мол, мясов лебединых «хочут»
А песни лебединой нет!

Но, тем не менее, в Жутени,
Вернувшись из далёких мест,
Ден не за собственные деньги
Издад «Белогвардейский крест»

Его коллега Шансединый,
Как караваи на печи,
По технологии старинной
Всё выпускает «кирпичи».

Вам не понятно это слово –
Кирпич? Я объяснить готов –
Заложены в его основу
Толстенные тома стихов!

На спор – готов к любой дуэли,
Упасть в глазах людей на дно,
Но при условии, что если
Они прочтут всё – «от» и» до»,

И пусть один хоть строчку вспомнит
И мне на память повторит!
Да что общественность?
Шанс скромный
И сам не помнит, что творит...

Жутенская жизнь.

Два отделения Союзов –
Альтернативные! А чем
Разнятся, скажем, два арбуза,
Два полосатых, на бахче?

Любой писатель независим
От коллективного труда.
Поэт – тот пребывает в высях,
Прозаик не спешит туда,

Но где бы ни были ребята –
За километр или сто
По возвращению обратно
Садятся, грешные, за стол –

За стол писательский, за грубый,
Отполированный трудом,
И в тишине бормочут губы
О выстраданном, о своём.

Какая разница – кому же
В каком Союзе жить да быть?
Вот Лао-Цзы, а вот Конфуций –
Им только б истину добыть!

А Коли-Ден и Шансединый –
У них одна «святая» цель
Не потерять ещё носимый
Руководительский портфель...

Ну, ладно там, в Москве огромной –
Там есть, что делится ещё,
А вот в Жутени нашей скромной
Всё это так не хорошо...

И между кем делить? Их мало –
Тех, очленённых, там и тут –
На юге, в Хантах, на Ямале
Штыков полсотни не найдут.

Вот Дом писателей России,
А у российских есть ли Дом?
А Вы его вообще просили
И не могли ужиться в том,

В котором создал ваш Мордасов
Условия для вас для всех?
«Объединяйтесь, – просят власти, –
В объединении – успех!»

И тут Равцов: «Давайте, братцы,
Я всех Вас очень обожал
И обожаю... Будем братья
За дело верное – за «ЖАЛ!»*

Я не зажму у Вас стремлений
Быть юридическим лицом –
В организациях Жутени
Вам стану мамой и отцом.

Я Ваши интересы свято,
Как воин, стану защищать,
И, что ещё скажу, ребята,
Я не кидаю Вам «леща» –

Вы оба гении-поэты,
И вот поэтому у Вас,
В организациях монеты,
Как день рожденья – в песне этой –
В году бывает только раз!»

* ЖАЛ – Жутенская Ассоциация Литераторов

И Коли в голос, то есть, в оба:
«А где портфели будут, где?»
«Держите при себе до гроба
И днём, и ночью – при звезде».

«Но если Шансу всё до «фени» –
Он выше этих мелких дел,
То у меня в родной Жутени
Есть, что терять» – подумал Ден.

О, Дом писателей ужасный!
О нём встревожился поэт:
«Вдруг ЖАЛ прикажет мне ужаться,
А там Мордасов – места нет!»

Короче, нет объединенья,
Рак, Лебедь, Щука – всё, как встарь...
Вот так проходит жизнь в Жутени –
«Аптека, улица, фонарь»...

«Возвращение к началу именуется
обретением покоя и БЕЗМОЛВИЯ
(ЛАО-ЦЗЫ)

P.S.
О ЦЕНЗУРЕ

Я не скажу про всю Россию –
Россия очень велика:
«Цензуры тоненькое сито
В Жутени есть ещё пока».

А разговоры: «Нет цензуры
В Жутени нашей» – ха-ха-ха!
Предназначаются для дуры,
Не знающей закон стиха.

Ведь даже в веке первобытном
Цензуры тяжкий молоток
(Такие прецеденты были)
Сбивал с камней честный слог.

И на Руси до революций
И после(это словно месть)
Народ страдал от резолюций:
«НЕЛЬЗЯ – тут мысль живая есть!»

Поэму эту запретили
Публиковать в одном из СМИ.
За простоту?
Быть может... Или
За то, что Ден – антесимит?

Всё может быть у нас в Жутени –
И Шансединый в крик: «Кошмар!
Наводит на ПОЭТА тени
Какой-то дерзкий ГРАФОМАН!»

Да и Мордасов не последний
Среди взволнованных писак –
Он Шансединого наследник,
А это всё же как-никак!

Да и Василин Вам не капля
В Жутенском море, а главред!
Он тоже б мог начальству капнуть:
«Зачем печатать этот бред?»

И лишь один во всей Жутени
Прозаик Умский-гармонист
Теперь, увы, вне подозрений –
Он даже перед Богом чист!

А, может, зря я на цензуру?
Быть может, это семенит
Шагами мелочными сдуру
Редактор ЭТАКОГО СМИ?

Всё может быть у нас в России –
Осталось от СССР
И почитанье: «Ах, простите!»
И – «Не читайте ЭТО, сэр!»

Содержание

НОВЫЕ СТИХИ

Сегодня патриот.....	5
О, друзья и товарищи.....	6
Но чая нету (триптих).....	7
Рассказ Емельяна Иванова.....	10
Солнце в березовой роще.....	11
Люблю - по железной дороге.....	12
Россия - древняя страна.....	13
А если бы меня спросили.....	14
Ну, почему страна такая.....	15
Я люблю свою деревню.....	16
Ешкин клеш! Такие вот дела.....	17
Я, полный силы и отваги.....	18
Дочь уходила, не спеша.....	19
Не надо женщину бояться.....	20
Опять.....	21
Мы все когда-то кукарекали.....	22
Сужают живое пространство.....	23
Плач об улетевшей дочери.....	24
Не грянет грома громкий окрик.....	25
А за тихую рекой.....	26
Мне хочется уйти.....	27
Мы живем в безразличном пейзаже.....	28
Где тонко, там и рвется.....	29
«Слепой дождик».....	30
Надвигается старость.....	31
Не стоял коленопреклоненно.....	32
А стихи рождаются для счастья.....	33
Хочется сказать мне горько, с болью.....	34
Я приближаюсь к гибельной черте.....	35
Бывает такое - весна на изломе.....	36
А что?.....	37
Юрию Мандрике.....	38

О птичьем гриппе.....	40
Конечно, Бога я приемлю.....	41
Моей дочери - психотерапевту.....	42
Так мне хочется раскрыться.....	43
Не ласточка, а вороны.....	45
Предсказание.....	46
А в моей деревне петухи.....	47
Шуточное.....	48
Какие тайны в мире есть.....	49
Девясил (шуточное).....	50
Шутка.....	51
Я одинок, как муха.....	52
Есть две войны.....	54
А кто-то скажет - тошно.....	55
Опять грустное.....	56
За жизнь цепляясь вороном.....	57
Мне кажется, что в клетках.....	58
Растащили правду по углам.....	59
Стихи - не работа.....	60
Прислушиваясь к душедвижениям.....	61
Одуванчики.....	62
Предновогоднее.....	63
Автопортрет.....	64
Может, будут признаны.....	65
Понимаю ли смысл разницы.....	66
В сонном отзвуке страстного звука.....	67
В соединении печальном.....	68
Когда никому не обязан.....	69
Доне - Ирине.....	70
Давайте вспомним обо всем.....	71
А. Никитину, В. Шмакову.....	72
Басня.....	73
России.....	74
Любкин дом.....	75
И не заплачем мы.....	76
Конь мой, конь.....	77
Три длинноносые сестры.....	78
Я был молодым.....	80

Шуточная песня.....	81
Воспоминания по рассказу Ивана Рогалева.....	82
Гимн Нижней Тавде.....	84
Я думал, жизнь моя беспечная.....	86
Песня о Севере.....	87

СТИХИ О СТИХАХ

И мне-то и надо немного.....	88
Мимолетность жизни сознаю.....	89
Из черепа, из черепа.....	90
Нигде не слушают меня.....	91
Печататься - не значит быть поэтом.....	92
В стихах юнца так смысла много.....	93
Попадаются деньки.....	94
Давление.....	95
Диалог с женщиной.....	96
Голубь.....	97
Россия, я - твой колобок.....	98
Журавль.....	99
Приметы.....	100
Я был рожден в бомбоубежище.....	102
И музыка тревожная, как вьюга.....	103
На родине.....	104
На каждого готовят компромат.....	105
Ах, как меня жизнь обманула.....	106
У человека есть гнездо.....	107
Я - поэт.....	108
Гимн водке.....	109
Если бы меня назначили.....	110
Николаю Шамсутдинову.....	111
Я вижу все.....	112
Так хотел я тебе позвонить.....	113
Женщина - как скрипка.....	114
Холодный ветер расставанья.....	115
Зачем такая?.....	116
Песня.....	117
На месяце - повеситься.....	118

81	УУ Альберта Энштейна.....	119
82	ВВ начале было слово.....	120
84	ННенцы - мудрый народ.....	122
86	ЗЗачем стремление.....	123
87	ММузе.....	124
	ЯЯ, наверно, ослепну.....	125
	ЯЯ, конечно, ошибался.....	126
88	ТТриптих.....	127
89	ААлфавит от «А» до «Я».....	129
90	ССравнение.....	130
91	ХХоть долетели мы до звезд.....	131
92	ГПьеса and P.S.....	132
93	ЯЯ живу в углу медвежьем.....	134
94	ЯЯ такое вытворял.....	135
95	ЯЯ родился в городе курортном.....	136
96	ЕЕсли синий цвет луны мне дорог.....	137
97	ННичего в поэзии не стоя.....	138
98	ДДавай представим.....	139
99	ННи дня без строчки.....	140
100	ККогда надежда улетит.....	141
102	ДДля меня ты - удивинка.....	142
103	ТТы ждешь.....	143
104	ГГоворю тебе искренне.....	144
105	ККуда бы уехать.....	145
106	ННикогда в таланты я не метил.....	146
107	ККак тяжело на сердце.....	147
108	ГПрислушайся к себе.....	148
109	ЯЯ знаю, что жизнь - это строчка.....	149
110	ЕЕсть философский смысл бытия.....	150
111	ММир наш антистатичен.....	151
112		
113		
114	ИИроническая поэма «Литературная Жутень».....	152
115	ГГлава первая. Проза жизни.....	155
116	ГГлава вторая. Поэзия жизни.....	160
117	ГГлава третья. Жутень литературная.....	168
8	ГГлава четвертая. Жуть литературная.....	174
	СО цензуре.....	182

[The page contains extremely faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the document. The text is arranged in approximately 25 horizontal lines across the page.]

64-00

166952013

Государственная библиотека Югры

